

*Посвящается Мэйр, которая обладает
таким терпением, и нашим дочерям
Мэй Роуз и Терезе Мари:
† Господь да пребудет с вами.*

Литературная критика должна рождаться из долга любви. Очевидным, но и таинственным, путем стихотворение, пьеса или роман захватывают наше воображение. Закрывает книгу уже не тот человек, что открыл ее.

*Джордж Стайнер. Толстой
или Достоевский: противостояние
[Стайнер 2019: 6]*

Мы можем достигнуть единственной мудрости,
И это мудрость смирения: смирение бесконечно.

...

Страна же, которую хочешь
Исследовать и покорить, давно открыта
Однажды, дважды, множество раз — людьми, которых
Превзойти невозможно — и незачем соревноваться,
Когда следует только вернуть, что утрачено
И найдено, и утрачено снова и снова: и в наши дни,
Когда все осложнилось. А может, ни прибылей, ни утрат.
Нам остаются попытки. Остальное не наше дело.

Т. С. Элиот. Четыре квартета. Ист Коукер*
[Элиот 2013: 330, 333]

---

* Деревня в Сомерсетшире (Великобритания), откуда в XVII веке предки Элиота эмигрировали в Америку. — *Прим. перев.*

Намек полуразгаданный, дар полупонятый есть Воплощение.
Здесь невозможный союз
Сфер бытия возможен,
Здесь прошлое с будущим
Смиряются и примиряются...

Т. С. Элиот. Четыре квартета. Драй Сэлведжес*
[Элиот 2013: 341]

Никто не учит созерцанию, кроме Бога, Который его дарует.
Лучшее, что вы можете сделать, — это написать или сказать
нечто, что послужит для кого-то другого поводом осознать,
чего желает от него Господь.

Томас Мёртон. Новые семена созерцания

Нет ничего абсолютно мертвого; у каждого смысла будет
свой праздник возрождения.

М. М. Бахтин. Методология гуманитарных наук
[Бахтин 1986: 393]

Полагаю, что для всех нас [Достоевский] — это писатель,
которого мы должны читать и перечитывать благодаря его
мудрости.

Папа Римский Франциск^{1**}

---

* Группа прибрежных скал в штате Массачуссетс. — *Прим. перев.*

** Здесь и далее цифрами обозначены ссылки на примечания автора, приведенные в конце книги.

От автора

Работа над этой книгой началась более 30 лет назад, когда я писал диссертацию и вел посвященный этому роману курс в Университете Нотр-Дам. Я храню благодарную память о профессорах, руководивших моей деятельностью в Нотр-Дам, особенно Томасу Верджу, чьи семинары осенью 1983 года, в мой первый семестр в Нотр-Дам, помогли мне более полно осмыслить роман. Покойный Джеймс Уолтон очень помог мне разобраться в реализме. Джим Догерти подал мне пример академической и личной честности. Я признателен и Ларри Каннингему, присутствовавшему на защите моей диссертации. Помню, как он спросил меня об апофатическом аспекте творчества Достоевского; я продолжаю размышлять над этим вопросом даже теперь, хотя эта книга, где упор делается на аналоговом представлении у Достоевского, связана с его катафатическим аспектом. В Нотр-Дам я познакомился с работами двух мыслителей, иезуита Уильяма Ф. Линча и Михаила Михайловича Бахтина, которые продолжают влиять на мое понимание действительности. Я по-прежнему благодарен им за их труды.

Я продолжал писать о Достоевском и преподавать его творчество в течение двенадцатилетней педагогической деятельности в прославленном Крайст-колледже Университета Вальпараисо. Коллеги, с которыми я работал, — в особенности декан Марк Швен, Мел Пиль, Билл Олмстед, Уоррен Рубель, Дэвид Морган, Джон Рафф, Маргарет Франсон и Джон Стивен Пол — всегда были щедры на поддержку, ободрение и дружеские чувства. Университет Вальпараисо предоставлял мне творческие отпуска, возможность преподавать и время для научной работы. 12 лет,

связанные с Крайст-колледжем, были благословенным временем: там были замечательные студенты, и я помню многие лица, имена и наши беседы о романе Достоевского.

Осенью 2002 года мне посчастливилось быть приглашенным в Университет Пеппердайна вести коллоквиум, посвященный великим книгам. Я принял это приглашение, и с тех пор веду дискуссии, посвященные «Братьям Карамазовым», с потрясающими студентами (и сотрудниками факультета). В своем творчестве я получал постоянную поддержку со стороны дуайенов моего подразделения — Констанс Фалмер, Мэйр Маллинз (моей жены, которая всегда поддерживает меня), Майкла Дитмора и Стеллы Эрбес, пользовался временем, которое предоставляли мне деканы Дэвид Бэрд и Майкл Фелтнер, а также помощник проректора Ли Кэтс. Совсем недавно мне выпала честь руководить двумя посвященными романам Достоевского исследовательскими проектами студентов Каллагана Мак-Доноу и Рэжел Гроув. Моя бывшая студентка Джессика Хутен Уилсон написала прекрасные книги об общности произведений Фланнери О'Коннор и Уокера Перси с творчеством Достоевского.

Я сердечно благодарен множеству друзей и коллег по Пеппердайну, бывших и нынешних, поддерживавших меня в работе на протяжении 18 лет, в том числе Дэррилу Типпенсу, Ричарду Хьюзу, Бобу Кокрану, Рону Хайфилду, Крису Соуперу, Роберту Уильямсу, Дэвиду Холмсу, Синди Колберн, Джейсону Блейкли, Джеффу Залару; благодарен я и коллегам, с которыми я обсуждал роман на семинарах летней школы, спонсируемой Центром поддержки веры и знаний Пеппердайна, а также нашим Факультетом великих книг: Синдии Клегг, Жаклин Дийон, Майклу Гоузу, Туан Хоангу, Дону Маршаллу, Фрэнку Новаку, Виктории Майерс, Джейн Келли Родехеффер, Джеффу Шульцу и Дону Томпсону — и нашим библиотекарям. Выражаю благодарность вице-проректору Ли Катсу и Кэти Карр, помощнику вице-проректора по научной работе — за неизменную поддержку. Без их помощи и помощи Университета Пеппердайн перевод моей книги на русский язык был бы невозможен. Выражаю благодарность талантливой когорте выпускников-стипендиатов Лилли,

которых я курировал вместе с моей подругой Сьюзен Фелч и с которыми мы в течение трех восхитительных лет обсуждали «Исповедь» Августина Блаженного, «Божественную комедию» и «Карамазовых». В июле 2017 года сестры-бenedиктинки любезно оказали мне гостеприимство, позволили мне присутствовать на богослужениях их общины и предоставили кабинет для работы. Я благодарен и многим другим людям, вдохновлявшим и поддерживавшим меня в эти годы: монсьёру Джону Шеридану, Эдварду Вайсбанду, Луи Дюпре, Роберту Кили, Мэри Брейнер, Кэрин Харт, Ричу Митчеллу, Хансу Кристофферсену и другим, чьи имена, к великому моему сожалению, я мог пропустить.

Выражаю признательность блестящим и радушным ученым-славистам. В конце 1980-х годов я открыл для себя творчество М. М. Бахтина и связался с ученым, чьи исследования его идей показались мне особенно интересными; по великодушию отклик Кэрил Эмерсон превзошел все мои ожидания. Через все прошедшие с той поры годы я пронес благодарность Кэрил за ее дружбу и добрые советы; отдельно хочется поблагодарить ее за то, что она взяла на себя труд внимательно прочесть ранний вариант моей рукописи. Бесценные предложения Кэрил позволили повысить качество моей книги, а ответственность за оставшиеся недостатки полностью лежит на мне. Я также очень благодарен Кэрил за то, что она согласилась написать к этой книге блестящее послесловие.

Ученые, занимающиеся творчеством Достоевского, относятся к категории самых вдумчивых и добрых людей, на встречу с которыми только может надеяться исследователь. Я с теплотой храню воспоминания о тех из них, с кем мне довелось общаться: о Джозефе Фрэнке, Роберте Белкнапе, Викторе Террасе и Дайане Оэннинг Томпсон. Важный вклад в исследование творчества Достоевского внесли и Кэрол Аполлонио, Брайен Армстронг, Роберт Берд, Джулиан Коннолли, Юрий Корриган, Октавиан Габор, Роберт Луис Джексон, Дебора Мартинсен, Грета Мецнер-Гор, Сьюзен Мак-Рейнольдс, Гэри Сол Морсон, Райли Осоргин, Максвелл Парлин, Робин Фойер Миллер, Джордж Патисон,

Рэндалл Пул, Эми Роннер, Гэри Розеншилд, Роуэн Уильямс, Питер Вински, Алина Уаймен, Денис Жерноклеев и те другие, чьи имена я, к сожалению, забыл упомянуть. В то или иное время каждый из них уделил внимание моей работе. Концентрируясь на христианских аспектах творчества Достоевского, я опирался на результаты десятилетий трудов выдающихся ученых: Бойса Гибсона, Свена Линнера, Роберта Луиса Джексона, Стивена Кэссиди, Малькольма Джонса, Сьюзен Мак-Рейнольдс, Роуэна Уильямса, Уила ван ден Беркена, Джорджа Паничеса, П. Х. Бразье и многих других иностранных ученых, в том числе и российских, таких как Владимир Николаевич Захаров². В своей работе я постоянно опирался на книги, специально посвященные «Братьям Карамазовым» и уделяющие пристальное внимание их духовному измерению, — прежде всего на труды Робин Фойер Миллер, Дайаны Оэннинг Томпсон и Джулиана Коннолли. Исследования многих ученых оказались для меня полезны, и я надеюсь, что мой скромный вклад будет восприниматься в диалоге с их работами и поспособствует дальнейшему обсуждению этой важнейшей темы, особенно актуальной в наш «мирской век».

На финальных стадиях работы над книгой незаменима оказалась Хилари Янси, осуществившая набор текста и тщательно составившая указатели. Благодарю и внимательную команду «Кэскейд букс» / «Уипф энд Сток» — прежде всего Робина Парри, а также Мэтта Уаймера, Яна Кригера, Захарию Микела, Джорджа Коллихана, Адама Мак-Интурфа, Сэйвана Ландерхольма, Джима Тедрика и Джо Делаханги.

Наконец, хочу поблагодарить мою семью за то, что была мне опорой: родителей, Сальваторе и Кэтрин, — за любовь и поддержку, которую они всегда оказывали мне в их земной жизни. От мамы я унаследовал не только любовь к чтению, но и любовь к нашей католической христианской вере и ее традициям. Много лет назад, когда я не знал, какую профессию избрать, моя сестра Кэти порекомендовала мне стать учителем: очень благодарен ей за этот совет. Ник Пелликьяри всегда относился ко мне с участием и вниманием. Когда мы навещали родителей моей супруги, Гарриет и Питера Маллинсов, они всегда предусмотрительно

отводили мне место для работы. Моя самая горячая благодарность — жене, Мэйр Маллинс, которая уже 30 лет является моей спутницей жизни, собеседницей, источником хорошего настроения, советчицей, иногда — машинисткой, вдумчивой читательницей, а также ежедневно поддерживает меня в творчестве, преподавании, воспитании детей и житейских делах. Спасибо нашим чудесным дочкам, Мэй Роуз и Терезе Мари, которые научились выговаривать «Карамазов» раньше, чем можно было бы требовать от любого ребенка. Пока я работал над книгой, они терпеливо переносили мое неучастие в семейных развлечениях. С самого рождения они вдохновляют меня своей добротой, хорошими характерами, сообразительностью и нежностью.

Надеюсь, что всякий, кто возьмет в руки эту книгу — будь то преподаватель, студент, духовный пастырь, врач, обычный читатель (все мы порой играем каждую из этих ролей), — придет к признанию уникального преобразующего и назидательного потенциала последнего романа Достоевского. Иногда я говорю, что мое дело — просто убедить людей прочитать «Братьев Карамазовых». Я буду считать, что моя книга достигла успеха, если она привлечет к роману новых читателей.

* * *

Отчасти эта книга основана на моих ранее опубликованных работах о Достоевском и уточняет и дополняет их. Ниже приводится перечень этих публикаций с благодарностью издателям, предоставившим разрешения свободно использовать их. Некоторые из этих предшествующих работ вошли в книгу в переработанной форме; в ней также были использованы слова и идеи, впервые опубликованные в:

Catholic Christianity // *The Cambridge Companion to Literature and Religion* / Ed. S. M. Felch. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

«Descend That You May Ascend»: Augustine, Dostoevsky, and the Confessions of Ivan Karamazov // *Augustine and Literature* / Eds. R. Kennedy, K. Paffenroth, J. Doody. Lanham, MD: Lexington, 2006. P. 179–214.

Dostoevsky // The New Catholic Encyclopedia. Gale Research, 2011.

Dostoevsky: «The Brothers Karamazov» // Finding a Common Thread: Reading Great Texts from Homer to O'Connor / Eds. R. C. Roberts, S. H. Moore, D. D. Schmeltekopf. Notre Dame, IN: St. Augustine's Press, 2011.

Dostoevsky and the Ethical Relation to the Prisoner // Renascence: Essays on Values in Literature. 1996. Vol. 48, № 4. P. 259–278.

Dostoevsky and the Prisoner // Literature and the Renewal of the Public Sphere / Eds. S. VanZanten Gallagher, M. D. Walhout. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 32–52.

Incarnational Realism and the Case for Casuistry: Dmitri Karamazov's Escape // «The Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality / Eds. P. Cicovacki, M. Granik. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 2010. P. 131–158.

Merton and Milosz at the Metropolis: Two Poets Engage Dostoevsky, Suffering, and Human Responsibility // Renascence: Essays on Values in Literature. 2011. Vol. 63, № 2. P. 177–188; 247.

The Prudential Alyosha Karamazov: The Russian Realist from a Catholic Perspective // Достоевский и христианство (Dostoevsky Monographs. Вып. 6) / Ред. Ж. Морильяс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 49–77.

Zosima, Mikhail, and Prosaic Confessional Dialogue in «The Brothers Karamazov» // Studies in the Novel. 1995. Vol. 27, № 1. P. 63–86.

Благодарю вас всех.

Православное Рождество, 7 января 2020 года

Предисловие к русскому изданию

Я бесконечно благодарен издательству Academic Studies Press за публикацию перевода моей книги, в которой предлагается пристальное прочтение «Братьев Карамазовых» и которая явилась плодом десятилетий преподавания этого романа в рамках университетских курсов, знакомящих студентов с другими «великими именами» мировой литературы, такими как Платон, Аристотель, Конфуций, Лао-цзы, Вергилий, Августин, Данте, Паскаль, Шекспир, Остин, Ницше, Толстой и Жак Маритен. По милости Божьей мне выпало преподавать курс «Великие книги». Однако из всех книг, которые я обсуждаю со студентами, ни одна не оказывала на них такого преобразующего влияния, как «Братья Карамазовы». Надеюсь, что эта книга подвигнет моих читателей прочесть, а еще лучше — перечитать последний из великих романов Достоевского. Этим русским переводом надежда моя присоединяется к молитве, которую вознес Христос вечером накануне смерти Своей: «да будут все едино» (Ин. 17:21). Безусловно, я анализирую роман с позиции «чужака»: я — католик (и американец), и у моих новых читателей это может вызвать некоторое подозрение. Более того, как ученый я отношусь скорее к «специалистам широкого профиля» и полагаюсь на знания, мудрость и великодушие выдающихся славистов, таких как Кэрил Эмерсон, написавшая блестящее послесловие к этой книге, и петербургского филолога Ирины Буровой, которая с вниманием и любовью работала над ее переводом. Однако, как отметил Михаил Михайлович Бахтин, «внезаходимость» может оказываться даром свыше. Верю, что меня и моих русских читателей

объединяет общая вера в то, что «Братья Карамазовы» способны совершать перемены в сердцах и умах. По крайней мере, инкарнационный, персоналистский взгляд на роман может вдохнуть в нас стремление стать «лучше» — «добрыми», «честными», «смелыми», если выражаться словами Алеши. Он может вдохновить на более глубокую приверженность каждодневной работе деятельной любви как к близким нам людям, так и к миру в целом. Спасибо за интерес и внимание, проявленные к моему прочтению романа. Буду рад узнать ваше мнение и последующей дискуссии.

Предисловие

«Братья Карамазовы» как преобразующая классика

В конце жизни, когда Достоевский завершал работу над «Братьями Карамазовыми», его пригласили в Москву, чтобы он выступил с речью в честь Пушкина. Большинство людей там уже читали роман, поскольку он публиковался с продолжением в журнальном варианте³, и Достоевский в письме жене Анне сообщил, как его встретили:

...толпами мужчины и дамы приходили ко мне за кулисы жать мне руку. В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи, и седых, и дам, бросались ко мне, говоря: «Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли “Карамазовых”». (Одним словом, я убедился, что «Карамазовы» имеют колоссальное значение.) [Достоевский 1972–1990, 30, I: 182]⁴.

Автор, конечно, был в восторге. Он надеялся, что роман — которому было суждено стать последним — окажет на читателей именно такое положительное влияние.

Однако действительно ли литературное произведение способно сделать человека «лучше»? В самом начале романа старший из братьев, Дмитрий Федорович Карамазов, заявляет о своих сомнениях по этому поводу. Он читал великих поэтов, таких как Шиллер и Гете, цитировал их наизусть, но своему брату Алеше признался: «Исправляло оно меня? Никогда!» [Достоевский 1972–1990, 14: 99]⁵. Литературная классика может тронуть чита-

теля своей эстетической красотой, целостностью формы, лучезарными образами добра. Но если предположить, что читатель стремится быть хорошим человеком, может ли она приблизить его к этой цели — к «исправлению» или преображению, которого жаждет Митя?

В этой книге я исхожу из того, что такое возможно — и что «Братья Карамазовы» обладают особой способностью вдохновлять читателей «сделаться лучше». Дэвид Трейси отмечает, что в классике мы «находим нечто ценное, нечто “важное”: *некое открытие реальности* в момент, который следует назвать моментом “узнавания”, момент удивляющий, провоцирующий, бросающий вызов, шокирующий и в конечном итоге *преображающий нас*» (курсив мой. — П. К.) [Tracy 1991: 108]⁶. Некоторые ученые, в частности, М. Н. Эпштейн, отмечают, что господствующие критические подходы, обычно характеризующиеся недоверием к тексту, ослабили нашу способность к такому признанию: «гуманитарные науки больше не сосредоточены на размышлениях человека и самотрансформации» [Epstein 2012: 2]. Недавно Рита Фельски высказала предположение, что

...литературной теории не помешало бы задуматься о том, как литература используется в повседневной жизни, а не относиться к ней снисходительно: мы едва начали ее понимать. Такая переориентация, если повезет, может способствовать выработке более глубоких и более убедительных для общества обоснований значимости литературы и ее изучения.

Она призывает «постоянно проявлять внимание ко всему спектру и всей сложности эстетического опыта, включая моменты узнавания, очарования, потрясения и познания» [Felski 2015: 191]. И, можем добавить мы, преобразования⁷.

Когда мне было 19 лет, я искал роман для летнего чтения. Зная о существовании классического произведения, называющегося «Братья Карамазовы», я решил познакомиться с ним в перерывах между работой курьером на Манхэттене, на которую я устроился на лето, и приобрел подержанный экземпляр романа в «Стрэн-

де»*. Увы, я не припомню, чтобы знакомство с этой книгой сопровождалось какими-то особыми потрясениями. Книга была издана в 1950 году в «Модерн лайбрери», и мне запомнилась ее потрепанная, непритязательная черно-белая мягкая обложка. Я был озадачен громадной силой персонажей, впечатлен словами мудрого русского монаха, но больше ничего не запомнилось. Я бы лучше понял прочитанное, если бы читал эту книгу на уроках или в группе чтения, под руководством хорошего преподавателя и общаясь со сверстниками. Шесть лет спустя я получил такую возможность на аспирантском семинаре профессора Тома Верджа «Религиозное воображение в современной литературе». На этот раз я сильнее прочувствовал глубочайшее «открытие реальности» в этом романе. С тех пор он навсегда вошел в мою жизнь. Последние 30 лет я рассказываю об этом романе в рамках курса «великих книг» и перечитал его столько раз, что сбился со счета.

Этот роман воодушевляет меня — как и многих других — своей правдой, красотой и тем, как в нем показано добро, противостоящее злу. Его герой Алексей Федорович Карамазов — далее мы будем называть его просто Алеша, как в романе, — поначалу вовсе не кажется ни «великим», ни «замечательным». Сам рассказчик признает это в предисловии [Достоевский 1972–1990, 14: 5]. Наставник, старец Зосима, отправляет младшего из братьев Карамазовых, Алешу, из благодатного убежища в монастыре в мир, чтобы творить «“деятельную” любовь» [Достоевский 1972–1990, 14: 52], живя «в миру <...> как инок» [Достоевский 1972–1990, 14: 259]. Алеша с любовью и тщанием заботится о своем пьянствующем, развратном отце, об обуреваемых чувством вины братьях и их любимых женщинах, о группе мальчиков и о смятенной девушке-подростке. Деятельная любовь — это тяжелый труд, требующий выдержки; она «есть дело жестокое и устрашающее» по сравнению с «любовью мечтательной» [Достоевский 1972–1990, 14: 54]. Его брат Иван утверждает, что «Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо» [Достоевский 1972–1990, 14: 214]. Однако если учесть,

---

* Легендарный букинистический магазин на Манхэттене. — *Прим. перев.*

что любовь Бога, как утверждал Зосима, постоянна и неизменна, то «чудодейственная сила Господа» [Достоевский 1972–1990, 14: 51] направляет нас даже в наших самых робких усилиях. Воспринимая эту реальность благодати, Алеша предстает как светлый образ деятельной любви. На первый взгляд он производит впечатление «человека странного», однако он «носит в себе <...> сердцевину целого» [Достоевский 1972–1990, 14: 5]. Апостол Павел сказал о Христе: «...Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1:17). По аналогии, в мире этого романа то же можно сказать и о христоподобном Алеше, Алексее Федоровиче Карамазове.

Достоевский называл свой последний роман «*осанной*», но признавал, что его молитвенное славословие прошло через «большое *горнило сомнений*» [Достоевский 1972–1990, 27: 86]. Повествование в романе отражает тот путь очищения страданиями, который был пройден автором. Достоевский познал боль: смерть матери и отца, когда он был еще очень молод; юношескую революционную деятельность, направленную на защиту крепостных крестьян, и последующий арест, инсценированную казнь и годы, проведенные в сибирском остроге; последующее наказание, одержимость азартными играми, семейные неурядицы и смерть двух маленьких детей. Он знал, что человек, испытывающий чувство обреченности и боли, теряет веру. Он дает «полный простор» [Достоевский 1972–1990, 14: 132] бунтарскому голосу своего персонажа Ивана Федоровича Карамазова, мыслящего среднего брата⁸. Но он также изобразил и персонажей, которые несут любовь Христову в гущу страданий, хотя он с тревогой раздумывал, достаточен ли предложенный им «ответ» на бунт Ивана. Тревога Достоевского чувствуется в его письме своему редактору:

Если удастся, то сделаю дело хорошее: *заставляю сознаться*, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное убежище Русской Земли... <...> тема такая... Для нее пишется и весь роман, но только чтоб удалось, вот, что теперь тревожит меня! [Достоевский 1972–1990, 30, I: 68].

Достоевский понимал, что на самом деле не может «заставить» читателей принять этот христианский идеал. На протяжении всего романа он с уважением относится к интерпретационной свободе читателей, изображая персонажей, которые сопротивляются данности благодатного бытия — и демонстрируют веские причины для такого поведения. Бахтин, один из самых влиятельных специалистов по творчеству Достоевского, подчеркивает «полифонию» автора, те многочисленные, часто сталкивающиеся друг с другом голоса, которые он представил в своих романах. Бахтин описал мир романиста как «церковь», как общение «неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники» [Бахтин 2002: 34]. Персонажи Достоевского «незавершенные»: читатель не может точно «очертить их границы» или хотя бы свести их к их наихудшим поступкам. Достоевский-художник уважает свободу своих персонажей как личностей, сотворенных свободными по образу их Создателя и всегда способных изменяться. Присущий писателю персонализм углубил трансформативный потенциал его последнего романа. Он «удался». Безусловно, был риск, что кто-то сочтет более убедительными бунтарские голоса. Джеймс Вуд приводит только один пример: «Притча Достоевского о Великом инквизиторе в “Братьях Карамазовых” представляется мне бесспорной критикой жестокости того, что Бог скрыт от людей. Когда мне было немногим больше 20 лет, это обстоятельство оказалось решающим» [Wood J. 1999: 254]. Однако, осмелюсь заметить, для многих этот роман стал духовной опорой и источником надежды⁹.

Надежда — незаменимая добродетель для паломников, «находящихся в пути» и «устремленных к достижению блаженства»¹⁰. Надежда отвергает двойственные искушения самонадеянностью и отчаянием, представляющими собой формы гордыни. Однако паломник не застрахован от сомнений; изображая человеческие страдания, автор дает повод для сомнений. Алеша пытается внести целостность в свою неблагополучную, искаленную семью, но задается вопросом, не терпит ли он — и даже Бог — в этом поражение: «Братья губят себя, <...> отец тоже. И других губят вместе с собою. Тут “земляная карамазовская сила”, <...> земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой

силы — и того не знаю» [Достоевский 1972–1990, 14: 201]. Достоевский задает тот же вопрос, что и Алеша: присутствует ли божественная благодать в мире человеческого насилия, физической ущербности и деградации, и если да, то где ее можно найти? Писатель предполагает, что благодать присутствует в этом мире постоянно, зачастую проявляясь опосредованно, через таких людей, как Алеша, которые служат аналогией божественной любви.

Несколько слов о структуре предлагаемой книги. Часть первая представляет собой прелюдию: в двух вступительных главах излагаются богословские идеи, свойственные инкарнационному реализму Достоевского, и рассматриваются конкретные способы их воплощения в романе. Часть вторая посвящена персонажам романа; в своих решениях и поступках герои выступают как персонификации темы воплощенного реализма, действующие в повседневной обстановке. Возможно, некоторые читатели, особенно те, кто впервые знакомится с этим романом, пожелают сначала обратиться к этой части, а затем вернуться к первой. В главе третьей мы проследим, как формируется ипостась Зосимы как исповедника, его понимание ответственности каждого человека «за всех и вся» [Достоевский 1972–1990, 14: 149], и обратим особое внимание на то, как в юности он познакомился с Михаилом, на случай с «гаинственным посетителем», на встречи с другими людьми, когда он уже стал старцем в местном монастыре. В главе четвертой мы проследим за Алешей, когда он примет эстафету у старца, будет исполнять его завет: «в миру пребудешь как инок» [Достоевский 1972–1990, 14: 259] и в конце своих первых трех дней перенесется в видении в Кану. В главе пятой мы обратимся к борьбе Мити за то, чтобы стать «совсем новым» [Достоевский 1972–1990, 14: 332] человеком, его мукам, новой жизни и его мучительному окончательному решению, принять которое помогли Алеша и Грушенька. В главе шестой мы обратимся к бунту Ивана, его мучительным поискам ответственного за происходящее и его признанию в суде. Наконец, в главе седьмой мы рассмотрим образы Коли, Илюши, мальчиков и Лизы, проследим ту живительную роль, которую Алеша играл в жизни встречавшихся ему молодых людей, и услышим, как в финале романа он дарит людям надежду.

Часть I

ПРЕЛЮДИЯ

Глава 1

Аналоговое представление и инкарнационный реализм

Достоевский стремился изобразить «человека в человеке». Его «высший реализм», коренящийся в христианской вере, рассматривает видимую, конечную реальность как связанную отношениями аналогии с невидимой, бесконечной реальностью. Аналоговое представление исходит из того, что человеческие личности являются созданиями, одновременно и похожими на своего Творца, и радикально отличающимися от Него. Созданные по образу и подобию Господа, люди подобны Ему в том, что обладают разумом, свободой и способностями творить и любить. Однако Бог один, а людей много; Бог не изменяется, а люди подвластны изменениям; Бог вечен, а люди смертны. Кроме того, люди зависимы, поскольку их существование зависит от существования Бога. Бог — не просто другое существо, Он — само Бытие, Тот, в Ком живут, движутся и ведут свое особое бытие все существа¹¹. Наше бытие как существ не определяет нас в одну онтологическую категорию с Богом. Однако божественное не до такой степени трансцендентно, чтобы наши собственные рациональные представления о хорошем, истинном и прекрасном не имели никакого отношения к Богу¹². Они связаны с Ним отношением аналогии.

В христианстве Бог понимается не только как Существо, но и как Любовь. Бог — это единство трех личностей, связанных бесконечной, взаимной, самоотверженной любовью. Изливаясь, любовь Бога создает тварный мир и со временем проявляется

в истории и в конкретном месте, воплощенная во Христе. Во Христе верующий с наибольшей ясностью видит образ красоты, доброты и истины Бога. Бесконечное Слово обретает тварную плоть и конечность. Однако сошествие Христа в мир конечности и смерти завершается воскресением, вознесением и дарами Святого Духа. Будучи Троицей, Бог одновременно и един, и представлен в трех разных лицах; Христос одновременно и Бог, и человек, «не рассекается и не разделяется»¹³. Аналоговое представление опирается на два столпа христианского вероучения, Троицу и Воплощение. Аналогия устанавливает единство в нашей человеческой множественности: при всех наших особенностях и различиях, все мы — личности, и, по аналогии с тройственной природой Бога, созданы, чтобы существовать в неразрывной связи с другими личностями. Аналогия устанавливает, что любовь человеческая одновременно подобна любви Создателя и — учитывая присущую всем творениям слабость и немощность в грехопадении — отлична от нее¹⁴.

И похоже, и не похоже: подход к реальности как сочетающей в себе «и то и другое» признает как ее многокомпонентность, так и целостность. Он не позволяет поддаться искушению упорядочить эту многокомпонентность с помощью слишком строгого деления на «или/или»¹⁵. В романе Достоевского действительность предстает одновременно как благодатный дар и тяжелое испытание; земной мир — одновременно и священный, и греховно падший; рай — как настоящее, так и будущее; люди — как открытые в своей свободе изменяться, так и ограниченные реалиями времени, межличностных обязательств, последствий совершенных в прошлом поступков и даже генетической наследственности. Достоевский изображает стремление человека к святости как требующее и желания воспринимать ее, и волевого (но никогда не добровольного) акта самоотречения¹⁶.

Концепцию «и/и» не следует понимать как ведущую к статической нерешительности. Напротив, она способствует разумному восприятию конкретики, которая со временем вынуждает совершить решительное действие. Выбор одного пути исключает выбор другого. Таким образом, концепция «и/и» в романе не

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru